

В честь 75-летия Победы над фашистским агрессором

Будагова Людмила Норайровна
Доктор филологических наук, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: inslav@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-1945-7612

Цитирование

Будагова Л. Н. В честь 75-летия победы над фашистским агрессором // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 525–539.
DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.03

Текст поступил в редакцию 01.02.2021.

25 ноября 2020 г. в Институте славяноведения РАН в режиме онлайн прошел Круглый стол на тему «Переоценка итогов Второй мировой войны в художественной литературе, публицистике и СМИ зарубежных славянских стран».

Тема эта способна привлечь внимание не только в юбилейные годы. К ней безразличны общественность, властные структуры, политики разных народов и стран, к ней безразлична и наука. Восприятие хода и последствий этого исторического события неоднозначно, порой тенденциозно и субъективно, зависит от мировоззрения воспринимающей стороны и от требований момента. Проследить эволюцию этого процесса и его современные результаты в ряде зарубежных славянских стран и стремились участники Круглого стола. Помимо сотрудников Отдела истории славянских литератур, его организовавшего, в этой мини-конференции выступили с докладами и в дискуссии коллеги из Отдела современных литератур ЦЮВЕ, Отдела истории двух мировых войн и других подразделений Института. Охват материала определялся специализацией участников. Очередность докладов отвечала, в основном, национально-географическому принципу: группировались, соседствуя друг с другом, выступления, освещавшие разные аспекты проблемы в одной из национальных литератур, а их сменяемость напоминала вектор наступления Крас-

ной Армии — с Востока на Запад — на оккупированные Третьим Рейхом и подконтрольные ему территории. При свободном выборе темы доклада предлагалось обратить внимание на эволюцию оценок итогов Второй мировой войны с 1945 г. до настоящего времени, на особенности восприятия ее хода и итогов в разных национальных и социальных контекстах, на способы отражения этой проблематики в художественном творчестве и публицистике, на роль СССР в победе над фашистской Германией, а также на значение уроков истории в современных противодействиях рецидивам коричневой чумы.

Доклад *Е. В. Байдаловой*, связанный с современной Украиной, был посвящен углублению существующего многие годы разрыва между официальной и альтернативной памятью о событиях периода Второй мировой войны. Этот процесс «деконструкции официальной памяти» способствует, как показала докладчица, «расколу украинской нации». Ее представители стали смотреть на события прошлого абсолютно разными глазами. Отказ от диалога, который бы привел к «достижению взаимопонимания-прощения-покаяния», все дальше и дальше отдаляет от возможности увидеть и признать не однобокую, а всеобъемлющую историческую правду. Это было проиллюстрировано *Е. В. Байдаловой* на анализе романа известной украинской писательницы *Оксаны Забужко* «Музей заброшенных секретов» (2009). В 2013 г. он был издан на русском языке. В нем представлена версия событий Второй мировой войны, связанных с деятельностью УПА (Украинской повстанческой армии). Писательница предложила свою деконструкцию прошлого, тенденциозную и политически ангажированную. Точка зрения *О. Забужко* в этом вопросе предельно ясна: для формирования национальной идентичности в рамках независимого государства Украины необходимо максимально отмежеваться от советской версии общей истории, с которой, как подчеркнуто в романе, возникает «элементарная химическая реакция несовместимости», как метафорически определила *Е. В. Байдалова* суть своего доклада про «Деконструкцию официальной памяти о событиях Второй мировой войны в романе *О. Забужко* “Музей заброшенных секретов”».

Большая дистанция отделила обращение современной словацкой литературы к теме Второй мировой войны от ранних откликов ее участников и современников на ситуацию в «независимом» Словацком государстве. Оно возникло под властью клерикально-националистической партии Глинки и под эгидой гитлеровской Германии в марте 1939 г.; в 1945 г. Красная армия освободила Словакию от этой формы фашистской оккупации. В произведениях военных и первых

послевоенных лет отчетливо звучала тема антифашистского сопротивления: стихи Я. Есенского (сравнивавшего независимость профашистской Словакии с «независимостью» цыпленка в когтях у ястреба), Я. Смерка «Сталинград, 1942». Словацкое национальное восстание (август — сентябрь 1944 г.) получило отражение в романе его участника В. Минача «Смерть ходит по горам» (1948), в «Хронике» (1947) П. Илемницкого и в произведениях других авторов. С годами подобная тематика не ушла из словацкого искусства, но потеряла актуальность, реагируя на современные интересы и потребности культуры и общества Словакии. Участники Круглого стола Л. Ф. Широкова и А. Ю. Пескова дружно обращаются к теме Холокоста.

Л. Ф. Широкова в докладе «Доктор Мраз и другие: новый взгляд на тему Холокоста в современной словацкой прозе» отметила, что тема расовых преследований и репрессий по отношению к евреям со стороны властей профашистской Словацкой республики поднималась в целом ряде произведений, начиная с первых послевоенных лет. Но в словацкой прозе 2000-х гг. она зазвучала по-новому, обретая черты личной, семейной драмы, неизгладимой травмы, пронесенной через поколения. Такой подход к теме Холокоста демонстрируют романы «Дом глухого» (2012) Петера Криштуфека, «Первая и последняя любовь» (2013) Павла Виликовского, «Воскресные шахматы с Тисо» (2016) Сильвестра Лаврика и два произведения Денисы Фулмековой — «Конвалария» (2016) и «Доктор Мраз» (2018). В первой книге Фулмекова стремится к максимальной правдивости, ссылается на устные рассказы, семейные и государственные архивы, частную корреспонденцию. Беллетризованные документы представлены и в ее романе «Доктор Мраз», изменены лишь названия районов и городков Западной Словакии. Композиция построена на чередовании главок, набранных то курсивом, то прямым шрифтом. В первых представлены воспоминания 95-летней Анны Мразовой о юности, пришедшейся на годы войны, о переживаниях и отношениях с окружающими, о нарастании чувства опасности, грозящей семье. В главах, набранных прямым шрифтом, ведется повествование от 3-го лица о событиях в провинциальном городке, о закулисной борьбе внутри малого социума за карьерный рост и материальные блага, жертвами которой становится еврейское население, в первую очередь — состоятельные люди вроде адвоката, доктора Мраза. Эмоциональность и опора на воспоминания, интерес к судьбе отдельной семьи в контексте «большой» истории, подчеркнутость документальной основы можно считать спецификой словацкой прозы последних лет, затрагивающей тему Холокоста.

На ней останавливается и *А. Ю. Пескова* в докладе «Отражение и переосмысление темы Второй мировой войны в современной словацкой драматургии». По наблюдениям докладчицы, для современного словацкого общества одним из важнейших становится вопрос, как и почему словаки фактически примкнули к фашистской Германии, что их к этому подтолкнуло. Причем речь идет не только о простых обывателях, но и о ряде представителей культурной элиты. Так, например, классик словацкой литературы, прозаик Мило Урбан, автор известного романа «Живой бич» (1927), он же герой пьесы Я. Юраневоу «Тихий бич» (2015), воспринял национал-социализм как наступление новой эры благоденствия, процветания и порядка. В поисках ответов многие словацкие драматурги и режиссеры пытаются погрузить зрителей в атмосферу предвоенной Словакии 1930-х гг., напомнить о низком уровне жизни и культуры населения, о его этнической пестроте, где бок о бок проживали словаки, чехи, евреи, венгры, немцы, русины, о том, что словаков почти не было среди государственных и административных служащих — практически все должности занимали чехи и евреи. Все это способствовало разжиганию национал-социалистами межнациональной розни, зависти к состоятельным еврейским общинам, которых обвиняли в угнетении, обирании словацкого народа, в его спаивании, эпидемиях и даже в мадьяризации. В целом все межнациональные распри стали восприниматься в военный период как конфликт между христианами и иудеями. В последние годы темы Холокоста и аризации были наиболее подробно разработаны в документальных драмах *А. Грусковой* «Жена раввина» (2012), *В. Климачека* «Холокост» (2012), они акцентируются в ставшей уже классикой пьесе *И. Буковчана* «Пока не пропоет пух» (Театр *А. Багара* в Нитре, 2017 г.), в новой инсценировке новеллы *Л. Гросмана* «Магазин на площади» (Театр *Й. Заборского* в Прешове, 2014). Словацкие авторы не могут обойти болезненную тему вины и ответственности за судьбы десятков тысяч евреев, депортированных с территории Словакии в концлагеря. Порой они напоминают и о нашей собственной ответственности за трагедии прошлого, как бы предостерегая от их повторений в настоящем и будущем.

Постановки, посвященные теме войны и Холокоста, не только несут в себе воспоминания о событиях давних лет, но и дают возможность высказаться на тему тревожных явлений сегодняшнего дня: о набирающем популярность неонацизме, о национальной нетерпимости, об использовании темы войны и Словацкого национального восстания в спекулятивных целях и т. д. Можно добавить, что современная по-

пулярность темы Холокоста, с одной стороны, восполняет недостаток ее освещения в искусстве XX–XXI вв., с другой — как бы превращает Холокост в символ всенародных страданий от фашизма.

А. В. Бырина выступила с докладом «Фильм “Krok do tmy” (Шаг в темноту) Милослава Лютера — современный взгляд на Словацкое национальное восстание». По данным IMDb (Internet Movie Database) — крупнейшей в мире базе данных о кинематографе, — в Словакии за последние почти тридцать лет Второй мировой войне посвящено около 10 полнометражных фильмов. *А. В. Бырина* анализирует один из последних. В 2014 г. кинорежиссер Милослав Лютер объявил, что фильмом «Шаг в темноту», написав к нему совместно с Марианом Пуобишем сценарий, он завершает свою карьеру. Словакия выдвигала «Шаг в темноту» на «Оскар» как лучший иностранный фильм, но до основного конкурса он не дошел. Однако фильм оценили в России. В 2015 г. он получил награду за лучший сценарий на Международном фестивале военного кино имени Ю. Н. Озерова.

Жанр фильма обозначен как драма и как исторический фильм. Драматургию определяет основная эмоция. Чаще всего это сострадание герою, на которого зритель смотрит не снизу вверх, как в трагедии, а на равных, сочувствуя его переживаниям. Трагедия как киножанр в современном кино практически не представлена, но есть драма — «сниженная» трагедия, где вместо трагической вины перед миром — вина перед самим собой или своей семьей, некая ошибка, совершенная до начала событий фильма. В драме героя обычно мучают сомнения, он страдает от неумения жить в согласии с другими или со своей совестью.

В фильме «Шаг в темноту» нет четкой структуры, не очень понятен характер молодого героя, к чему он стремится, кто или что ему мешает, что ему грозит, если он не достигнет своей цели. Ясно лишь, что он врач и что его зовут Мартин Дубовский. Это герой «мольеровского типа», который не развивается, а раскрывается. Во время Словацкого национального восстания Мартин стал командиром партизанского отряда. По его приказу были расстреляны его брат Феро и несколько других партизан, неосторожные действия которых спровоцировали немецких вояк и привели к смерти невинных жителей деревни, в том числе и отца Мартина.

Словацкая и чешская критика негативно восприняла фильм. Отмечали схематизм и поверхностность персонажей, не двигающих сюжет, отсутствие личности, на которую зритель хотел бы быть похожим. Не нашлось в фильме и нового взгляда на болезненное прошлое, исторические события в нем — лишь фон для любовных переживаний

героя. Сам Лютер взялся за экранизацию рассказа Альфонза Беднара «Недостроенный дом» (1956), который лежит в основе фильма, по личным причинам. Дебютируя в 1979 г., он работал над фильмом «Утро под луной» по сценарию А. Беднара, который поразил Лютера своей искренностью. К ней стал стремиться в творчестве и сам Лютер. «Шаг в темноту» — это попытка рассказать о времени, когда «все были соперниками, и брат забывал брата». Это и дегероизация Словацкого национального восстания, — делаем мы вывод, который отсутствует, но напрашивается в докладе молодой словакистки.

Доклад *И. А. Герчиковой* «Чехословакия 1945: освобождение — занятие территорий — оккупация. Освещение роли СССР в чешских СМИ» посвящен сегодняшнему восприятию в Чехии роли Советского Союза в освобождении страны от немецко-фашистских захватчиков и в дальнейшей судьбе чешского народа. Оно далеко не столь однозначно, как в годы «строительства социализма» у нас и у них, многое в нем основано на горькой правде, обнажившейся с годами. В Праге 27 февраля 2020 г., к пятилетию убийства Бориса Немцова, его именем назвали площадь, где расположено посольство Российской федерации. 3 апреля в столице Чехии сняли с постамента, несмотря на протесты Москвы, статую маршала Конева.

Обращаясь к весне 1945 г., *И. А. Герчикова* отмечает, с каким восторгом жители Праги встречали тогда советских воинов, забрасывая их цветами. После шести долгих лет Второй мировой войны во вновь воссоединенной Чехословацкой республике наступил новый период. Освобождение страны Красной армией (что тогда никто не подвергал сомнению) сначала принесло новые надежды. Известные авторы, писатели и публицисты воздали дань уважения советским солдатам и благодарность Советскому Союзу, запечатлев ее в стихах и прозе. За освобождением, однако, со стороны СССР последовали притязания на глобальное влияние, национализация, политические репрессии. А потом пришел 1968 год, и в сознании чехов советский солдат-освободитель был вытеснен солдатом-оккупантом.

«По плану Сталина, — утверждает чешский историк *П. Жачек*, — 11 или 12 мая Прагу должна была освободить Красная армия. В то время чехи были бы благодарны Красной армии, которая уже тогда, и в той атмосфере, привела бы к власти “клементов готвальдов” и им подобных, проделав это под лозунгом “Ведь вы обязаны нам за то, что мы освободили вас от немцев”. Однако когда утром 9 мая Красная армия добралась до Праги, дело уже было сделано. Более 24 часов назад немецкий гарнизон сдался самим чехам».

Настоящими освободителями Праги признаны власовцы. В декабре 2019 г. в районе Ржепорые после оживленных дебатов с участием местных жителей была одобрена установка памятника солдатам армии Власова, что и произошло 30 апреля 2020 г. На табличке — текст о том, что в Ржепорые во время Пражского восстания руководством первой дивизии РОА было принято решение прийти на помощь восставшим. В тексте на памятнике упоминается о неоднозначном восприятии исторической роли власовцев, однако подчеркивается, что без их помощи спасти Прагу от фашистских войск было бы невозможно. «300 военнослужащих Русской освободительной армии погибли за освобождение Праги», — написано на памятной плите. И цитата из Солженицына: «Все ли чехи разобрались потом, какие русские спасли им город?» Полемику вокруг памятника и дискуссии в Чехии об итогах Второй мировой войны можно считать в итоге восстановлением исторической справедливости. «Или же это тупик отношений Чехии и России, пока у нас не признают очевидное?» — задает вопрос докладчица, считая, что год 75-летия окончания войны подводит черту долгим дискуссиям об освобождении Чехословакии. На наш взгляд, черту подводить рано, а что считать очевидным — это тоже вопрос (Л. Б.).

Л. Н. Будагова, выступившая с докладом «Эволюция чешского восприятия победной весны 1945 года», в целом была солидарна с И. А. Герчиковой, сначала лишь добавив в нарисованную ею картину некоторые штрихи, например, что в литературе, выражавшей благодарность Красной Армии и ее солдатам за освобождение, лидировала поэзия, что написанные «по случаю» стихи и поэмы не были случайными, а выражали чувства и настроения выстрадавшие, еще не отредактированные потерей памяти или политической конъюнктурой. По ее мнению, их можно отнести к документам истории, в которых достоверность подтверждается увиденным своими глазами на пражских улицах в начале мая 1945 г., как люди плакали, обнимая «запыленные солдатские колени», как «молча гладили танковую броню» (Я. Сейферт, «Утренняя песня Красной армии», сб. «Шлем глины», 1945). Причины же и мотивы негативной переоценки событий мая 1945 г. и роли Красной армии в победе над гитлеровской Германией были следствием разочарований в послевоенной действительности, став истоком нетипичной для чехов русофобии. Она усилилась после военного подавления «пражской весны», реформаторского движения 1960-х гг. «за социализм с человеческим лицом», начавшегося в период «оттепели», наступившей после смерти Сталина и Готвальда.

Хотя в военной акции участвовали разные страны Варшавского пакта, всем было очевидно, что первой скрипкой здесь был СССР. Именно советские танки на Вацлавской площади 21 августа 1968 г. раздавили традиционное чешское русофильство и привезли с собой режим так называемой «нормализации» с партийными чистками, преследованием инакомыслящих, запретами на профессию. Конец ему положила «бархатная революция» (1989), взявшая курс на «строительство капитализма», на избавление от «советских влияний», особенно в преподавании истории. Стали замалчиваться, не включаться в антологии и некоторые произведения, прославляющие Красную армию, а также дискредитироваться, подвергаться осмеянию образы советского солдата. Однако помимо этой явной, официальной тенденции, лежащей на поверхности общественной жизни, в Чехии наблюдается другая, неофициальная, ей противоположная, сохранившая память о победной весне 1945 г. и благодарность за нее тем, кто того заслуживает. В небольшом провинциальном городке, находящемся в полутора часах езды от Праги, перед входом на кладбище расположены две братские могилы, одна — жертв Первой мировой войны, другая — 14 красноармейцев, погибших в конце Второй мировой. Одиннадцатого мая 2020 г. автор этих строк получила оттуда электронное письмо от своей чешской подруги: «Вчера мы с сыном поехали на кладбище, из-за чего я тебе и пишу, я очень обрадовалась, когда увидела, что на могиле красноармейцев горит множество свечей, конечно же, мы зажгли и свои, а еще там лежал большой венок от города и живые цветы, принесенные жителями из своих садов. По телевизору все время вспоминают, как нас освободили американцы, а какой-то полоумный староста хвалил и власовцев за помощь Праге (хотя известно, что в Праге они воевали, чтобы освободить себе дорогу к американцам). Только из бесед с настоящими специалистами и поймешь, как на самом деле все было».

В своем докладе «Восприятие Второй мировой войны в современной Польше: историческая политика и научная рефлексия» А. В. Липатов, объяснив значение термина «историческая политика», вошедшего в польский научный обиход на рубеже XX–XXI вв., ранее связанное в ФРГ с программой преодоления общественного сознания времен нацизма и с формированием нового типа исторической памяти, в сжатой форме проследил специфику польской истории с конца XVIII в. вплоть до современности, перечислив практически все основные события, ее определившие. Среди них — уничтожение Речи Посполитой в конце XVIII в., более чем вековое гражданское сопро-

тивление и череда восстаний на протяжении XIX в., общенародное — надклассовое — единение в защиту только что обретенной свободы от Красной армии в 1920 г. и трагедия новой утраты национальной независимости в результате нападения фашистской Германии 1 сентября 1939 г., последующий переход Красной армией польской границы 17 сентября, трагедия оккупации и Соппротивления, наконец, особенности общественно-политической реальности (как и во всей Восточной Европе) после победы над гитлеровской Германией. В нынешней Польше осмысление прошлого и сама память о прошлом оказывают сильнейшее воздействие на общественные настроения и партийные установки. При всем различии отдельных оттенков основной водораздел пролегает между ориентацией на ценности общеевропейской цивилизации и устремленностью к сохранению «исконных» национальных традиций. Эти разграничения накладывают отпечаток на отношение к России. Здесь в среде российских и польских ученых — в отличие от политической оголтелости и пропагандистских штампов СМИ по обеим сторонам границы — просматривается стремление к диалогу как единственному средству достижения взаимопонимания. В качестве примера — помимо академических конференций и отдельных публикаций — можно назвать совместные труды российских и польских ученых «Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях» (М., 2010) и «Россия и Польша. История общая и разобценная» (М., 2015).

В докладе *М. Г. Смольяниновой* «Оценка результатов Второй мировой войны в современной Болгарии» показано, как по-разному болгары оценивают эти результаты. Одни считают, что 9 мая 1945 г. — святая дата, так как был сброшен монархо-фашистский режим в Болгарии. Доктор Александр Сивилев, преподающий на историческом факультете Софийского университета, уверен, что «9 мая 1945 г. — одна из самых важных дат в современной истории. После нее прошла конференция в Потсдаме, на которой были обозначены политические и институционные рамки, в которых мы живем и сегодня» (газета «Дума», 09.05.2020).

Однако некоторые публицисты и политики, переписывая историю, утверждают, будто бы заслуга освобождения Европы от фашистского агрессора принадлежит западным союзникам, и настоящими победителями нацизма являются лишь либеральная демократия и западный мир.

Как известно, итогом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стало освобождение Болгарии от 500-летнего турецкого ига, что вызвало

усиление болгарского русофильства. В связи с этим царь Борис III отказывался посылать болгарские части на восточный фронт для военных действий против Красной армии. Многие граждане его страны помнили, кто принес им освобождение от османского ига. Тысячи болгар сражались в партизанских отрядах. Сейчас публикуются воспоминания болгарских партизан. Весьма интересны воспоминания Веры Тодоровой, дочери Тодора Павлова, известного болгарского ученого и политического деятеля, которая участвовала в боях с немцами на территории Украины, а также, будучи врачом, лечила раненых. Ей часто приходилось оперировать под открытым небом, в лесу или в поле, а после операций брать в руки автомат. За ее плечами 800 сложных операций, спасших жизнь многим партизанам, участие в 33-х сражениях. Советское правительство наградило ее орденом Красной Звезды.

Болгарские русофилы ежегодно 9 мая проводят акцию «Синий платочек». Тем не менее среди болгар есть и те, кто считает, что «СССР не освободил нас, а оккупировал». Среди них профессор Драгомир Драганов. Так, в газете «24 часа» от 7 сентября 2017 г. был опубликован документ о том, как Черчилль и Сталин делили послевоенную Европу. В результате торга Болгария попала в советскую зону влияния. Долгосрочные последствия этого были такими же, как и для других стран Восточной Европы, — 45 лет тоталитарного режима, около 20 тысяч репрессированных. Один из сегодняшних ответов на это — осквернение памятника советским воинам в Софии. Кто-то считает, что его надо демонтировать. Однако в Пловдиве по-прежнему «стоит над горою Алеша, Болгарии русский солдат...». Известно, что один болгарин ради сохранения памятника выкупил землю, где он установлен, превратив ее в неприкосновенную частную собственность. Пока никакого примирения между двумя слоями болгарского общества не наблюдается.

Отражение «Второй мировой войны в школьных учебниках Болгарии (1950–2010-е годы)», которому посвятил свой доклад Н. С. Гусев, условно делится на три категории. Первая — учебники советского времени, значительно менявшиеся при переизданиях. Вторая — пособия переходных 1990-х гг. Третья же создавалась уже с прицелом на вступление в Евросоюз при содействии и консультациях со стороны европейских экспертов. Примечательны и новейшие учебники, вокруг которых в 2018–2019 гг. развернулась бурная дискуссия.

Описание Второй мировой войны за обозреваемый период кардинально изменилось и сократилось. В советское время трансформации касались прежде всего расширения круга участников борьбы против

прогерманского курса, благодаря чему со все бóльшей части населения снималась ответственность за союз с гитлеризмом. В современных пособиях один из прежних предметов гордости — участие в освобождении Европы от гитлеровцев — стал «проходным» фактом, причем исчезло и подчеркивание заслуг СССР. Мимоходом упоминаются и англо-американские бомбардировки городов. Но главное — изменились место и роль всех этих событий в национальном нарративе. Раньше борьба коммунистического подполья рисовалась как национально-освободительная, ее масштабы всячески раздувались, вступление Советской армии изображалось как освобождение, а последующее установление нового режима правления — как начало «светлого будущего». Теперь массовые манифестации 1940 г. в поддержку советских предложений о заключении союза с Болгарией не упоминаются, а сами переговоры сопоставляются с присоединением Прибалтики к Советскому Союзу. Размеры партизанского движения обрисовываются как скромные, а деятельность подполья — как антиболгарская и мало-значимая. В итоге в учебниках 1944 год стал девиацией в развитии страны, отклонением с ее магистрального исторического пути.

Налицо стремление европеизироваться и доказать окружающим, а в первую очередь — себе самим, что Болгария всегда являлась частью европейской цивилизации.

«Словенские домобранцы — герои или предатели? Столкновение двух идеологий» — назвала свой доклад *Н. С. Пилько*, посвятив его оценке деятельности Народно-освободительной армии и домобранского движения. Одну из спорных тем словенской исторической науки, а также спора историков и публицистов докладчица связывает с критическим пересмотром событий 1941–1945 гг., который начался в Словении после смерти Тито, т. е. еще во времена существования СФРЮ. Впервые поднимался вопрос о примирении враждовавших в годы Второй мировой войны домобранцев и партизан. Социолог С. Хрибар в сборнике, посвященном памяти Э. Коцбека, выступила за установку памятника всем павшим во время войны словенцам, независимо от того, на чьей стороне они воевали, и за примирение со словенцами, оказавшимися в эмиграции. После распада Югославии подобного рода дискуссии стали весьма популярны. Обесценивание партизанского движения, оправдание домобранцев, возвеличивание католических священников, которые сотрудничали с оккупантами и поддерживали домобранцев, — все это остается актуальным по сей день. Историческое сообщество разделилось на два лагеря — так называемых «партизан» и «белогвардейцев». Главный аргумент, который

используется в поддержку домобранского движения, — это то, что домобранцы не столько сотрудничали с оккупантами, сколько боролись с коммунизмом, с тоталитаризмом. «Партизан» обвиняют в массовых репрессиях своих сограждан, чья вина заключалась только в том, что они были против коммунистов. Данная аргументация находит в какой-то степени отклик у молодежи, которая не слишком вникает в исторические детали. Существует набор стереотипов, которые весьма логичны, доходчивы и легко усваиваются. С подобными взглядами уже выросло целое поколение. Да, были во время войны партизаны и домобранцы, но все они были словенцами и одинаково любили свою родину. Для современной молодежи противостояние двух лагерей уже представляется историей, это борьба тех, кому сейчас 50–60 лет и кто ведет ее начиная с 1990-х гг., когда пересмотр истории был весьма агрессивным и нужно было защищать историческую правду. Для них эта борьба все еще актуальна. Мало осталось непосредственных участников прошедших событий, но память о них оберегается. Ни один памятник партизанам не был осквернен или разрушен. Экспозиции в музеях сохранены. И память о домобранцах тоже увековечена. В основном в церквях висят мемориальные доски с именами погибших.

Ю. А. Созина выступила с докладом «Война как точка отсчета в современной репрезентативной прозе югославянских народов». По ее наблюдениям, литература (и, конечно, шире — культура) юга Славии рассматривает Вторую мировую войну в череде крупных трагических событий, выпавших на долю народов, которые составляли в свое время СФРЮ. Это и Первая мировая, и конфликт Сталина с Тито с партийными «чистками» общества, и война между хорватами и сербами начала 1990-х гг., и бомбардировки Белграда в конце прошлого тысячелетия, и так далее — вплоть до живой современности. Писатели пытаются следовать принципам гуманизма, человечности (имея в виду Человека с большой буквы), в чем, возможно, усматривается и влияние глобализации. Сложнейшие процессы XX в. выработали в литературных элитах стран бывшей Югославии своеобразное восприятие исторической действительности, особенностями которого можно назвать стремление к приподнято-отстраненному, в чем-то по-философски «толерантному» отношению к страшнейшим событиям национальной истории, собственной жизни и реальной ситуации в мире. Это, если можно так сказать, «боль, спрятанная за размеренностью повествования» или «симфония истории».

Под репрезентативной прозой понимаются произведения, рекомендуемые к изучению в школе (в т. ч. высшей) и к переводу на

иностранные языки. Ю. А. Созина, оттолкнувшись от исследований, отразившихся и в ее монографии «Словенский роман последней трети XX века как исследование человека и его арены жизни» (М., 2018), осветила острые вопросы, поднимаемые в произведениях, составивших национальную серию на русском языке «Словенский глагол» (туда, к примеру, вошел роман Драго Янчара «Той ночью я ее видел», 2010; рус. перевод Т. И. Жаровой, 2013) и международный издательский проект «Сто славянских романов», уже охвативший романы Марко Сосича «Балерина, Балерина» (1997; перевод со словен. Ю. А. Созиной, 2016); Ласло Блашковича «Ожерелье для мадонны. По следам реальных событий» (2003; пер. с сербск. Е. В. Сагалович и В. Н. Соколова, 2016); Миленко Ерговича «Gloria in excelsis» (2005; пер. с хорв. Л. А. Савельевой, 2018) и Роберта Перишича «Наш человек в горячей точке» (2007; пер. с хорв. Л. А. Савельевой, 2020). Во всех этих произведениях война явно или косвенно влияет на события и судьбы героев, становится отправной точкой для проверки автором и читателем себя на человечность.

Завершивший череду выступлений доклад *А. С. Александровой* «Вопрос о германских репарациях в Греции: популизм или попытка восстановления исторической справедливости?» выбивается из направленности и проблематики Круглого стола. В этом докладе нет славян, но есть Вторая мировая война, пострадавшая в ней Греция, пережившая «безоговорочную капитуляцию» Германия и практически неизвестный участникам нашей мини-конференции послевоенный процесс урегулирования финансовых отношений между противоборствовавшими во время войны сторонами. Знакомство с ним способно расширить кругозор славистов.

В период Второй мировой войны Греция сильно пострадала в результате германской оккупации. Кроме того, Третий рейх взял у Греции оккупационный кредит, вернуть который планировалось после войны — чего, однако, не произошло. В послевоенные годы Греция получила часть репараций, некоторые компенсации были выплачены греческим гражданам, пострадавшим от действий германских оккупантов. Окончательное решение вопроса выплаты репараций и оккупационного кредита было отложено до момента воссоединения Германии и заключения мирного договора. Однако по итогам заключенного в 1990 г. договора «2+4» (о границах и статусе Германии и отказе от ее репараций) Греция не могла претендовать на новые компенсации. Усилия греческих дипломатов в последующие годы также не привели к каким-либо результатам: на все претензии Греции Гер-

мания отвечала, что вопрос военных репараций давно политически и юридически урегулирован. Кроме того, подобные требования, по мнению Германии, были неуместны со стороны ее партнера по НАТО и Евросоюзу.

Вялотекущий многолетний конфликт вышел на новый уровень в конце 2009 г., когда в Греции начался глубокий финансовый кризис, поставивший страну на грань банкротства. Ключевую роль в разработке программы международной финансовой помощи Греции, согласно которой она была вынуждена проводить политику жесткой бюджетной экономии в обмен на многомиллиардные кредиты, сыграла именно Германия. В этой ситуации в сознании греков закономерно всплыл «образ врага», которым, как и 70 лет назад, была Германия. Этими настроениями сразу же воспользовались греческие политики, сделавшие из Германии «козла отпущения», виновного во всех экономических бедах страны. С началом кризиса вопрос германских репараций вышел в Греции на новый — массовый — уровень, а к старому требованию восстановления исторической справедливости добавилось популистское стремление греческих политиков обвинить Германию в нынешнем тяжелом положении греческой экономики.

Как показал ряд докладов Круглого стола, в настоящее время в зарубежных славянских странах военная тема, тема пересмотра хода и результатов Второй мировой раскрывается не в пользу Советского государства, занижается роль СССР и Красной армии в победе над фашизмом. Это связано прежде всего с послевоенной действительностью, с советизацией политических режимов в подконтрольных нашему государству странах, противоречиво отразившейся на жизни их граждан. Происходит своего рода актуализация прошлого, в чем-то проясняющая, а в чем-то искажающая правду и уроки Истории. В их изучении рано ставить точку. Они слишком важны для нашего настоящего и будущего.

Автор аналитического обзора не ограничивался механическим монтированием аннотаций или тезисов, представленных авторами докладов, а иногда прояснял и комментировал без ремарок мысли докладчиков, добавляя «от себя», какие-то необходимые сведения. Можно считать, что в этот «обзор» вмешивались и его собственные размышления и оценки.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.03

Budagova L. N.

To the 75th anniversary of the Victory over fascist aggressor

Lyudmila N. Budagova

Doctor of Letters, head of Department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: inслав@inслав.ru

ORCID: 0000-0002-1945-7612

Citation

Budagova L. N. To the 75th anniversary of the Victory over fascist aggressor // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 525–539 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.03

Received: 01.02.2021.